

СЛОВО ЖИВОЕ И МЁРТВОЕ

*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся...*

Богооткровенное Слово апостола Иоанна и духовидческое слово поэта-мыслителя Тютчева. Как взывающий к нам, воспитывающий наше сознание Диалог. Объект и Субъект. Мысль поэта ведаёт об Абсолюте, влечётся к нему, но и пребывает – в так понятном, человеческом – смятении-сомнении: смогу ли достичь, достучусь ли словами. Как сердцу высказать себя? Как избежать словесной, давно изношенной шелухи, мёртвых слов, притаившейся в них гаденькой лжи...

Всё это не какая-то надмирная, отвлечённая диалектика-метафизика, предмет занятий людей странной профессии – философов. Касается любого из нас. Потому что вне слова любой из нас только овощ. А смысл своей жизни мы определяем, выбирая между словами тёмными и светлыми, мёртвыми и живыми, демоническими и божественными.

Мы ведь становимся людьми, когда в раннем детстве пробуждается наше сознание, когда из булькающих звуков выкристаллизовывается поименование. Самое простенькое поначалу: папа, мама, дом, собака. (Кто забыл – перечитайте повесть Андрея Белого «Котик Летаев»). Великое множество слов прибывает потом каждый день, слова тычутся друг в друга, радуя первооткрытием смысла, мучая бессмыслицей. Вскоре мы начинаем замечать, что у них, слов, всё разное – вкус, цвет, запах. Они словно приходят к нам из разных миров.

Замечательно пишет об этом в своей недавней книге «Семицветная радуга человеческого слова» протоиерей Артемий Владимиров (московское издательство «Артос», 2009). Он выделяет семь уровней бытования слова. Уровень самый низкий – **чёрное слово**. Чуть повыше – **слово праздное, или пустое**. Третий уровень, уже вполне положительный – **тёплое слово**. В шаге от него – **золотое слово**. Пятый уровень – **красное слово**, слово поэтов и трибунов, слово, которым, по Гумилёву, побеждали города. Шестой, «головокружительный», уровень – **слово вещее**. Слово пророков и вероучителей, к примеру, для православных – слово Отцов церкви. «И, наконец, – пишет священник (между прочим, филолог по образованию и член Союза писателей), – выход на околоземную орбиту и вообще за пределы видимого мира, в вечность, в мир духовный, – **святое слово...** Поразительно, какая полярность: от **чёрного** до **святого!**».

И ведь каждый, что удивительно, может, казалось бы, без труда подняться в эти заоблачные выси – только почитав на ночь Евангелие. Чтобы, правда, тут же и убедиться, какой на самом-то деле потребуется труд души, чтобы эту Книгу постичь. А тем более поднять свою жизнь с нею вровень.

По мере накопления в нашем сознании слов разных уровней мы вступаем, если верить философам, в Игру, когда смыслы – раздваиваясь, множась – начинают перекликаться, *подмигивать* (Ницше) друг другу. Вовлекая нас в водоворот загадок и противоречий. Обрекая нас на обидную беспомощность, когда пытаемся рассказать кому-то из старших о своих переживаниях и ощущениях.

Спасает от хаоса разноуровневых слов некое совершенство текста, приводящее их в гармонию. Оно возникает как чудо, как яркий луч света, обещающего покой и утешение. «Счастье есть!» (и не только в желудке), думаем мы тогда.

Таким счастьем стали для меня в детстве сказки Пушкина и наверняка не для меня одного. Они предшествовали даже райским песнопениям в церкви, куда бабушка стала меня водить очень рано, с двух с половиной лет. Она была, кстати, неграмотной, с четырёх-пяти моих лет я расписывался за неё на квитанциях. Однако молитва, **святое слово**, произносилась ею так прочувствованно, что высоко и надёжно приподнимала её над бессловесным низом и держала вдалеке от любой черноты.

К её, безграмотной женщины, высоте ещё предстояло (и предстоит!) восходить, однако, Пушкин, повторяю, первым и надежнее кого-либо указал направление движения.

Так ведь и во всём, какую область жизни ни взять – смысл, масштаб всему задаёт совершенство. Вот хоть любимейшая затея того моего большевского босоногого детства на берегу Клязьмы. Разумеется, мы часами пинали мяч, бегая без толку гурьбой, лишь смутно привлечённые какой-то ещё скрытой от нас красотой Игры. Позже, в Монино, я увидел на футбольном поле Всеволода Боброва, слушателя военно-воздушной академии, и это было как явление Пушкина. Однако чего-то важного, смутно ощущалось, всё равно не хватало. А именно: со-товарищей их, равновеликих Пушкину, равновеликих Боброву. Ведь один Пушкин – ещё не литература, и футбол – игра коллективная, где шедевром становится вдохновение, захватившее в свою орбиту целый ансамбль игроков. Всё прояснилось и стало камертоном качества на всю жизнь, когда рядом с Пушкиным встали Гоголь и Толстой (оказались, к счастью, в библиотеке отца) и когда я увидел в «Торпедо» великую трицу – Стрельцов, Иванов, Воронин.

Точно так же, возвращаясь из школы на Первомайке, я встречал у дома творчества киношников людей с этюдниками, малевавших наш раскидистый дуб над обрывом, с которого мы прыгали в реку. Я

любил задержаться около них, придирчиво разглядывая их запечатления, сравнивая их с натурой. Однако лишь после второго класса, когда я впервые попал в Третьяковку и увидел пейзажи Фёдора Васильева, Саврасова, Левитана, мне открылся смысл и этой великой Игры – тоже ведь света и тени.

Не скрою, с читательским началом мне повезло несказанно. Как и, повторяю, многим. Дивно, что «наше всё» именно Пушкин. Какому народу ещё так повезло?

Потом были, конечно, и другие книги. Обычные, «подростковые» – Дюма, Жюль Верн, Стивенсон, Майн Рид, Конан Дойль и прочие переводы. И тоже бесполезные для дела жизни. Отстаивать свою честь и себя научили. Прав Высоцкий, в одной из песен вспоминая, что ребятня послевоенной поры «толковищу вела до кровянки» всегда за правое дело. Сам он тоже держался всю жизнь «правой стороны» и объяснял непонятным почему: «Потому что я нужные книги в детстве читал».

И всё-таки те книги, как они ни были в каком-то (переходном?) периоде увлекательны, никогда не привели бы меня на филфак, а со временем и в Союз писателей. Тут определяющим стал свет русской классики. Самым первым и ярким явилось потрясение – уже не счастье, как от Пушкина, а именно потрясение – от «Первой любви» Тургенева. Жили мы вдвоём с отцом, прелестницы вокруг него, послевоенного офицера, крутились самым прелестным, соблазнительным хороводом, и кое-кто из прелестниц оставлял, естественно, нежный след и в моём семилетнем сердце. Уяснить себе сладкую муть моих чувств я не мог – а тут вдруг Тургенев! Который всё про переживания мои знал и находил для них слова упоительно точные... Как тут не заболеть на всю жизнь литературой? Кстати, глубоко неправы, на мой взгляд, те родители, что подолгу, до старших классов, удерживают детей от классики. Она настолько многослойна и универсальна, и к тому же настолько пропитана совестью и высшей красотой, что давать (незаметно подсовывать?) её можно и нужно с самых первых шагов начинающего читателя.

Хотя понятно, что теперешним родителям это сделать ой как нелегко. Нелегко противостоять натиску телевизора и компьютера, наступающих в каждой детской комнате с двух сторон. С одной, как представляется, задачей – принизить растущего человека, опустить, как теперь говорят, ниже плинтуса и не дать приподняться. В сущности – убить его Дух в зародыше. Тоже своего рода абортарий – это непрерывное обезьянье-бесовское кривлянье на всех каналах с торжеством слов пустых и с постоянными вкраплениями слов чёрных. Чтобы вырастить «блондинок в шоколаде» и «качков» в духе приснопамятно шокирующей станицы Кушцевой.

Последовательное искоренение слова высокого, а тем паче вешего и святого. Разве что десять–пятнадцать минут в неделю для галочки. Для отвода глаз – разные «Что, где, когда» и прочие псевдоинтеллектуальные игры. «Умники и умницы», «Самый умный» и прочая, прочая. Иные шоумены, самодовольно снисходительные зазывалы с расплывчатыми личинами-личиками (попробуйте отличить Диброва от Галкина) сулят куш, другие – памятные призы, третьи – автоматическое поступление в престижный вуз, минуя столь же чудовищное ЕГЭ. Какая-то дикая угадка вместо постижения всего духовно-словесного многоцветья. Назойливое внушение мысли о том, что механическое загрузивание памяти голыми фактами и мёртвыми словами – это и есть «ум». А ловкость в разгадывании кроссвордов – верх интеллектуального совершенства. Внизу пиф-паф для мальчиков и охота на олигархов для девочек, а сверху – натасканность в крестоловицах. И все довольны, про «высокое» не забыто. У «ящика», надо полагать, «своя игра», и весьма дальновидная.

Напоминает «заботу» нашего Государства о пенсионерах, о которой что ни день трубят телевизор. Прибавка к пенсии в триста рублей в то время, когда минимальная прожиточная корзина вырастает на шестьсот-семьсот. Щадящие якобы скидки цен на лекарства. В реальности: только в некоторых аптеках и только на некоторые лекарства – и на пять процентов! То есть платите, любезные старички и старушки, не тысячу рублей за пачку нужного вам препарата, а всего-то девятьсот пятьдесят.

В таких же примерно дозах можно внимать на ТВ живому слову живого писателя. Всегда кратенькому (на пять процентов!), да и то если получит премию и тем в глазах масс-медиа отличится.

И эти постоянные стенания и стоны по рейтингу. Лукавые уверения, что душа народа не принимает ничего серьёзного и жаждет одной их убогой развлекаловки. И не хочет читать ничего, кроме мусорных детективов и жёлтой прессы.

Между тем нарастает протест против этой дебилизации по американским лекалам. Только что закончившаяся ярмарка нон-фикшн – яркий тому пример. Народу там было и всегда-то в последние годы невпротолочь, но на сей раз – как в православном храме на Пасху, да простит меня Господь за кощунство. И, что отрадно, в основном – молодёжь, истово собирающая себе самые претенциозные книжные собрания.

Все толкуют ныне про социальную поляризацию, происходящую, де, со стремительностью бурной химической реакции. Народ и впрямь расслаивается на глазах, но делится он не только на пять процентов богатых и девяносто пять процентов бедных. А ещё и на умных и глупых – и вовсе не в тино-канделаковском или ксения-собчаковском понимании этих понятий, не на «успешных» и «лохов».

И тут бы Государству озаботиться не строительством очередных потёмкинских (или сколковских?) деревень, не переименовыванием милиции в полицию и прочими прожектками-причудами в том же духе, а совершенствованием ума и души молодых поколений. Возращиванием в них жизненно важного слова живого. Пока не поздно.

Умница Владимир Бибихин, философ и переводчик, недавно скончавшийся, нашёл прекрасный эпиграф для одной из своих последних книг – «Чтение философии». Эпиграф из рассуждений французского мудреца Серебряного века Шарля Пеги: «Научить читать – вот единственная и вот истинная цель верно понятого образования; лишь бы читатель умел читать, и всё спасено».

Уяснить бы эту мысль ответственным лицам. Без читателя России пропасть. Без слова тёплого, золотого, красного, вещего и святого стране пропасть. Без него вырастет даже не чеховский дядя Ваня, ныне всеми театрами пародируемый, а «поганый вторяк голубого экрана», как нарекает этого грядущего хама чуткий к современности поэт Андрей Родионов.

На упомянутой книжной ярмарке никто из многотысячных толп, осаждавших прилавки, не искал там «милорда глупого». Этот импульс да распространить бы по всей стране.